

Николай Добролюбов

Политика

Николай Александрович Добролюбов

Политика

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120735

Аннотация

Пользуясь газетными сообщениями, Добролюбов приводит дополнительные сведения о ходе борьбы народа Италии с предательской политикой французского правительства. В заметке идет речь об отказе итальянского народа подчиниться условиям договора 1859 года и о решении национальных собраний Тосканы, Модены, Пармы и Романьи, подтвержденном плебисцитом, присоединиться к Пьемонту. Добролюбов приводит материал, свидетельствующий о том, что в центральных областях Италии формируется армия, во главе которой становится национальный герой Джузеппе Гарибальди.

Содержание

Комментарии

Николай Александрович Добролюбов Политика

...Тосканский «Монитор», призывая тосканцев к выборам, говорил, между прочим:

Ничего не может быть важнее этих выборов для народа. Здесь дело идет о том, чтобы сказать Европе: мы не хотим, мы не можем более хотеть австрийской династии; мы не хотим ее, потому что она противна итальянской национальности, за которую мы бились при Сольферино;^[1] мы не можем хотеть ее, потому что если бы она возвратилась, обгаренная кровью сольферинской, то могла бы только составить вечное несчастье наше и возмутить навсегда мир всей Италии. Итак, вы видите, какое важное значение имеет голос, который вы теперь должны подать! Кто поступит при этом легкомысленно, тот – или глупец, или предатель.

В то же время обнародована была прокламация к войскам тосканским, которым поручалась теперь «защита священнейшего права Тосканы – права свободно выразить свои желания относительно национальной независимости и конституционного устройства». Тосканцы объявили, что будут защищать это право во что бы то ни стало. В сильной статье, помещенной в тосканском «Монитере» против великого

герцога Леопольда,^[2] говорилось, между прочим:

Да, Тоскана вооружается, и она должна вооружиться, потому что ей предстоит прогнать злейшего врага своего, побежденного при Сольферино, если бы он захотел снова взойти на тосканский престол. Но *вооружение* еще не значит *возмущение*, как хотят представить тайные агенты низверженной династии: без всякого восстания Тоскана имеет уже против этого врага вооруженных солдат; у ней есть войско; скоро будет и национальная гвардия. – Города должны вооружаться, и когда ударит тревога, жители деревень также должны будут вооружаться всем, что только найдется под рукою во всем населении, которое с презрением отвергает побитого при Сольферино. Пусть знает Европа, что образованный народ, каков народ тосканский, не может потерпеть бесчестия иметь своим монархом того, кто, не далее как вчера, сражался в лагере австрийского императора против итальянских войск.

Вследствие таких энергических решений муниципальный совет Флоренции выразил формальным образом следующее желание нации:

Муниципалитет выражает желание, чтобы Тоскана могла составить часть большого итальянского государства под властью короля Виктора-Эммануила II,^[3] сохранивши административные различия, которые наиболее согласны с интересами этой страны.

В случае же, если высшие политические

соображения воспрепятствуют исполнению этого желания, муниципалитет, настаивая на непременном исключении династии Лотарингской, равно как и Бурбонской, выражает желание призвать к управлению страну принца из савойского дома.

Это решение положено повергнуть на усмотрение короля сардинского и императора французского, на согласие которого тосканцы еще надеялись. Тем не менее они продолжали свое дело: сокративши все установленные законом сроки, они назначили совещания народного собрания, а между тем собирали мнения городских общин. 24 июля из 141 города, в числе которых находятся Флоренция, Ливорно и другие большие города Тосканы, получено выражение желания присоединиться к Сардинии большинством 809 голосов против 15. Решения эти, тотчас же представленные через министра внутренних дел, г. Риказоли, сардинскому чрезвычайному комиссару в Тоскане, выражали интересы и желания 1 135 863 жителей. «Некоторые города, – прибавлено в тосканском журнале, поместившем это известие, – ожидают еще составления особенного собрания для произнесения своего решения; но можно предсказать, что они утвердят решение остальных и что желания Тосканы выразятся единодушно. И нет сомнения, что желания страны, таким образом выраженные и утвержденные Национальным собранием, будут приняты во внимание державами, которые должны определить новое устройство Италии».

Эти надежды на то, что голос нации будет уважен, продолжались довольно долго, и у некоторых продолжают до сих пор. Сначала они были с особенною силою поддержаны известием, что император Наполеон обещал положительным образом, что не употребит военного насилия для восстановления низверженных государей Италии. Но потом стали ходить другие слухи, которые, однако же, не смутили тосканцев, объявивших, что они «не побоятся никакого рода вмешательства и не отстанут от своего решения». Назначены были общие выборы Народного собрания 7 августа (26 июля), долженствовавшие окончательно утвердить решение городских общин. Между тем за неделю до начала этих выборов разнесся слух, вскоре оказавшийся справедливым, что Леопольд II отказался от престола в пользу своего сына. Известие это принято было многими очень благоприятно, как облегчавшее развязку итальянского вопроса. Надеялись, что тосканцы, имевшие достаточные причины лично ненавидеть старого герцога, не будут столь несговорчивы в отношении к его сыну. Предположение это казалось тем более вероятным, что молодой герцог, как слышно было, намеревался войти в свои владения не иначе, как предшествуемый конституцией), весьма либеральною. Но тосканцы не поддались и на это: отречение Леопольда ни в чем не изменило их решения относительно Лотарингской династии. Во время выборов стены домов во Флоренции покрыты были объявлениями с надписью: «Да здравствует Виктор-Эммануил, наш король». Эн-

тузиазм к народному делу не уменьшался, несмотря на то, что Сардиния вела себя в этом деле слишком осторожно и даже робко. Пред началом выборов сардинский чрезвычайный комиссар Бонкомпаньи был отозван из Флоренции, чтобы не подать повода к подозрению в тайном влиянии Сардинии на решение тосканской нации. Временное правительство осталось в руках министра внутренних дел Риказоли. По последним известиям, Национальное собрание уже открыто в присутствии уполномоченных от Англии, Франции, России и Пруссии; президентом собрания избран Тито Коппи. Это избрание считают доказательством умеренности собрания, потому что Коппи не принимал никакого участия в последних политических событиях. Несмотря на эту умеренность, первым делом собрания, по предложению депутата Джинори, было – провозгласить, что Лотарингская династия отныне невозможна в Тоскане. Предложение это было принято единодушно, всеми 168 голосами собрания, при громких рукоплесканиях публики. Вторым предложением, принятым в собрании, было: «Тосканская нация твердо решила – составить часть одного сильного итальянского государства под конституционным правлением короля Виктора-Эммануила».

Но к чему может повести все это единодушие, вся эта решимость, кроме доставления новых жертв делу итальянского единства, и так уже имевшему столько жертв?^[4]

Не в видах французской политики – допустить образова-

ние итальянского государства на широких основаниях национальной свободы. Теперь уже нет нужды делать предположения и соображения о видах французского императора: посольство графа Резе достаточно объяснило их. Из действий этого посланника видно, что если не возвращение прежнего герцога, то по крайней мере всевозможное противодействие делу итальянской независимости решено непоколебимо в уме Луи-Наполеона. Г. Резе начал с того, что уверял все итальянские города, низвергнувшие своих владетелей, в истинном расположении императора и в его дружеской заботливости о судьбе народа. Между тем в то же время во французском «Монитере»^[5] появилась статья, в которой и Леопольду и Фердинанду придавался титул великого герцога тосканского. Это принято было за нечто вроде *avertissement'a*,¹ адресованного к тосканцам. Вслед за тем сделались известны требования, предложенные г. Резе королю сардинскому. Он требовал: 1) чтобы сардинский комиссар был отозван из Пармы, так как отозваны уже комиссары из Флоренции, Модены и Болоньи, 2) чтобы затем Сардиния не имела никакого, ни прямого, ни косвенного, влияния на население этих областей и предоставила им самим выразить их желания; 3) чтобы сардинское правительство оказало свое содействие к восстановлению изгнанных принцев. — Надобно заметить, что незадолго пред тем почти не сомневались относительно оставления Пармы за Пиемонтом. Сардинское правительство полагало,

¹ Предостережение, уведомление (франц.). — *Ред.*

что так как Парма не была включена в условия Виллафранкского договора, то о восстановлении герцогини не должно быть и речи. Но вышло не то: умолчание Виллафранкского трактата нимало не стеснило императора французов, когда дело пошло о торжестве порядка над произволом народным. Сардиния должна была согласиться, и графу Пальяри, сардинскому чрезвычайному комиссару в Парме, немедленно послан был приказ возвратиться в Турин. Пармские жители были очень огорчены этим и решились представить императору свои желания относительно присоединения к Сардинии: пармский подеста^[6] Линати отправился в Париж, чтобы поднести императору постановления пармских общин, требующих присоединения к Сардинии.

Второе требование Резе было также принято Сардиниею беспрекословно. Да, впрочем, оно отзывается даже отчасти придиркою: Сардиния еще ранее этого сама по себе (по крайней мере так уверяли официально...) отказалась от всякого влияния на выборы; а теперь этого отказа требует от нее французский посланник!

Но третье предложение встретило пока сильное сопротивление в Сардинии. Говорят, что Виктор-Эммануил остался непоколебим в своем решении – не мешать делу итальянской независимости, и отвечал графу Резе с некоторым одушевлением: «Я могу не противиться тем распоряжениям, которые вам поручено произвести в итальянских государствах, уже признавших мою власть; я могу оставить собственным

силам народы, которым обещался покровительствовать; но никогда в жизни я не протяну руки для того, чтобы помочь войти в Италию врагам народа». Если эти слова действительно были сказаны, они очень хорошо изображают положение сардинского правительства ввиду требований своего союзника и благодетеля.

Впрочем, если Сардиния и не согласится участвовать в восстановлении изгнанных герцогов, положение дела мало от того изменится. Луи-Наполеон решил, что итальянскому независимому государству не бывать, и он найдет средства достигнуть своей цели. Французские солдаты, бывшие в Италии, не все еще возвратились... Близ Ливорно давно уже явилась французская эскадра, которая в случае надобности может бомбардировать этот город, служащий Тоскане одним из главных центров энтузиазма к делу итальянского единства. Решение оставить в Италии пятидесятитысячную армию уже обнародовано в «Монитере». А в одно время с известием об открытии Национального собрания в Тоскане сделалось известным распоряжение императора об остановке возвращения французских войск из Италии.

Как бы в виде пояснения этих мер, граф Резе положительно объявил Тоскане, что о присоединении ее к Сардинии не может быть и речи. Но в виде милости он прибавил, что всякое другое желание нации, выраженное в Национальном собрании, может быть принято во внимание при решении судьбы Италии.

Что тут делать тосканцам? Говорят, что они склоняются к мысли предложить власть принцу Наполеону.^[7] В этом избрании находят средство примирить враждебные интересы французско-сардинские, так как принц Наполеон, будучи кузеном императора, в то же время, по жене своей, близок и к Сардинской династии. Притом же, говорят в утешение себе некоторые тосканцы, фамилия Бонапартов имеет некоторое притязание на флорентийское происхождение!..

Вследствие ли таких соображений или, скорее, от очевидной безвыходности своего положения тосканцы начали писать на стенах домов во Флоренции: «Viva Napoleone-Jerolamo, re d'Etruria» (да здравствует Иероним-Наполеон, царь Этрурии). Некоторые газеты уверяют, что император Наполеон и сам принц не согласятся на такое избрание, как весьма деликатные и совестливые люди. Но, с другой стороны, нельзя не вспомнить, что еще до окончания войны говорили о замысле французского правительства – устроить для принца Наполеона какой-нибудь престол в Италии... Во всяком случае, любопытно и то, что народный энтузиазм принужден уже склоняться к результатам, столь приятным для Франции...

После Тосканы едва ли нужно много распространяться о положении Модены, Пармы и Болоньи. Энтузиазм и там проявился не менее сильно и решительно, чем в Тоскане. Тотчас по получении известия о мире в Парме сделана была общая демонстрация в пользу присоединения к Пиемонту; де-

монстрация эта принята была очень благосклонно пиемонтским губернатором в Парме, объявившим, что король будет ею очень доволен и что относительно присоединения Пармы к Сардинии не может быть никакого сомнения. Но прошло две недели, и Парма оставлена Сардиниею; выезд сардинского комиссара произвел весьма неприятное впечатление в Парме; впрочем, она не отказалась от своих требований и отправила адрес за подписью, говорят, 20 000 человек для заявления своих желаний...

В Модене немедленно после того, как узнали о мире, решено было составить корпус национальной гвардии для защиты страны. Кроме того, объявлено было о формировании корпуса волонтеров, которое тотчас же и началось с большим успехом. В то же время произведена была народная демонстрация в пользу Виктора-Эммануила и против восстановления Франциска V.^[8] Составилось множество адресов, подписанных тысячами лиц разных сословий, и вместе с тем издана прокламация, приглашавшая граждан оставаться спокойными и доказать Европе, что их решение серьезно и благоразумно и вовсе не походит на какое-нибудь беспорядочное движение. И действительно, энтузиазм моденцев был тверд и спокоен; вот что, например, писал о нем один из итальянских корреспондентов «Indépendance Belge»,^[9] болонец, приезжавший в Модену на один день:

Болонья, 22 июля

Я хотел воспользоваться открытием железной

дороги, которая теперь соединяет нас с Моденой, чтобы побывать в этом городе. Я провел там вчерашний вечер и ночь. Только что возвратившись в Болонью, я берусь за перо, спеша рассказать вам впечатления моего путешествия.

Какой энтузиазм, какие манифестации, какой дух народности, какое единодушие в чувствах и в особенности какое непоколебимое решение – скорее умереть, нежели допустить возвращение герцога! Сколько раз я ни заговаривал в различных местах о возвращении Франциска V, я постоянно слышал в ответ: *piuttosto morire* (лучше умереть!), и в тоне этих слов слышалось столько истины...

Говоря без всяких прикрас, я должен вам сказать, что, проведши несколько часов в Модене, я убедился в нравственной невозможности возвращения герцога, – разве только он будет восстановлен сильною армиею (если подобный образ действий требуется видами европейских держав). Но упрочение его на троне все-таки невозможно, как только эта армия выйдет из Италии.

Предметом всех разговоров в кафе, на гуляньях, в театрах, в частных собраниях – служит здесь уже не возвращение герцога – здесь все мужчины, женщины и дети давно решили, что все пойдут на смерть, чтобы только воспрепятствовать этому, – предмет общих разговоров составляет присоединение к Сардинии, которого желает единодушно вся нация. Если это соединение не состоится, жители считают возможною

одну только меру – повальное переселение в Сардинию.

Но, оставляя в стороне выражения воли народной, протестации и адреса, беспрерывно возобновляемые, я скажу вам об одном деле, поднятом временным правительством. Дело идет об открытии некоторого рода процесса с Франциском V. Особая комиссия будет наряжена для разыскания в архивах доказательств злоупотреблений власти, совершенных Францисками IV и V, последними принцами из дома Эстов. Эти следственные разыскания будут служить основанием для обвинительного акта герцога пред европейскими державами.

Герцог, однако же, не потерял присутствия духа. По достоверным известиям, он намерен возвратиться в Модену силою. У него в распоряжении находилось, по известию в «Patrie»,^[10] до 5000 человек. По другому известию, герцог моденский, не имеющий недостатка в деньгах, навербовал себе до 7000 наемников, которых называет «армией Эстов». В Модене считается хорошо вооруженных людей до 10 000, и они твердо решились сопротивляться до последней крайности.

27 (15) июля Фарини, бывший чрезвычайным комиссаром сардинским в Модене, сложил с себя это звание и вслед за тем избран был диктатором. Принявши это избрание, Фарини немедленно объявил, что он намерен приступить к непосредственному созванию народных комиций для рассуждений об установлении правительства, а между тем обещал за-

ботиться об усилении вооружений и вообще военных сил страны.

Вскоре потом обнародованы и правила выборов: избирателями признаны все граждане, достигшие 21 года и умеющие читать и писать; число депутатов – 73.

16 августа и в Модене открылись заседания Национального собрания, и Фарини сложил с себя диктатуру. – То же самое и в Легатствах.^[11] Они решили как можно поспешнее формировать свою армию, которая могла бы защитить их от восстановления папского владычества французскими или швейцарскими штыками. – Быть может, они и устояли бы против одних швейцарцев, но швейцарцам в случае надобности помогут французы или пошлют помогать австрийцев.

Вообще папским владениям угрожает еще большая опасность со стороны всех друзей *порядка*, нежели остальным герцогствам. Вопрос жизни и смерти для Легатств – избавление от власти папы, а не присоединение к Сардинии; так ли, иначе ли их бы устроили, – лишь бы отделили от папы, – они были бы довольны. Но именно этого-то и не хочет освободитель Италии, держащий судьбы ее в своих руках... Он так почитает Пия IX, так давно защищает его от самовольства его подданных, так недавно создал для него новую политическую роль – председателя Итальянского союза!..^[12] Потерпит ли он отложение некоторых областей от наместника св. Петра, допустит ли он такие беспорядки!.. И действительно, на всякое обнаружение народной воли в Легатствах смот-

рят как на *беспорядки*. А между тем неудовольствие здесь очень сильно и нередко выражается такими манифестациями, которые папское правительство и французские агенты решительно называют мятежными. Вообще ничего нет легче и удобнее теперь, как исказить характер народного движения, передавая известия о событиях в Италии. Недавно распространился же слух, что в Парме провозглашена красная республика под влиянием маццинистов,^[13] и подеста Линати должен был особым объяснением разуверять Европу в этих слухах. В некоторых газетах напечатано даже было, что есть агенты, нарочно подстрекающие итальянцев в различных местностях к буйствам, для того чтобы потом Франция или Австрия имели предлог употребить против них вооруженную силу. Нельзя определить, в какой степени достоверны эти известия; но что они не лишены основания, это доказывается той настойчивостью, с которою временные правительства в Италии убеждают граждан вести себя спокойно и серьезно... В некоторых из итальянских прокламаций попадает выражение: «чтобы не подать Европе повода к недоверию». Само собою разумеется, что под Европою тут нужно понимать собственно Францию...

Неудовольствие обнаружилось в папских областях, как и во всей Италии, непосредственно после заключения мира. Но здесь оно было сильнее, потому что имело еще некоторые особенные причины. Одна из них состояла в том, что амнистию, названную в условиях мира *всеобщею*, папа объявил

подлежащую многим ограничениям и изменениям. Это произвело в Риме такое волнение, что генерал Гойон^[14] испугался и счел нужным принять некоторые меры на случай восстания. При этом произошли, разумеется, арестации, продолжавшиеся и потом несколько времени. Между прочим, взяты под стражу в Риме два капуцинские монаха, давно уже производившие сношения с главами революционной партии; у них найдено письмо Маццини... Подобного рода тайное движение замечено было в Анконе, вследствие чего с начала июня там и водворены папские войска разных корпусов, занимающиеся непрерывными арестациями. Дошло до того, что запретили ходить по улицам двум человекам рядом и хватали всякого, кто поздно возвращался домой.

Относительно же Романьи, отложившейся от папы во время войны, под покровительством сардинцев, прежде всего произошло любопытное объяснение папского правительства с императорским. Папа жаловался, что сардинские войска вошли в его владения, что Виктор-Эммануил послал своего комиссара Массимо д'Азелио в Болонью, что берсальеры и часть бригады Нави решились даже оказать сопротивление папским войскам, высланным для надлежащего наказания мятежников. В ответ на эту жалобу Луи-Наполеон поручил своему посланнику г. Граммону оправдать пред папою сардинского короля и объяснить, что, принимая военную диктатуру и посылая войска в Церковную область, Виктор-Эммануил имел в виду только направить силы Романьи против

Австрии и «предупредить внутренние столкновения, которые легко могли возникнуть, особенно после происшествий в Перуджии»... Папа должен был остаться доволен таким объяснением, которым император французов еще раз доказал ту последовательность своего образа действий, которую мы так подробно защищали.

Но и о Легатствах, относительно образа проявления их стремлений, надо сказать то же, что о герцогствах: они постарались о всевозможной осторожности и скромности в выражении своего энтузиазма к делу национальной свободы. Болонья – центр защитников народного дела – показала в этом случае пример благоразумия. Во все время, пока в ней существует временное правление, спокойствие ни разу не было нарушено, хотя и представлялись к тому некоторые поводы. Ни заключение мира, ни сущность его условий, ни внезапное удаление д'Азелио, отозванного в Турин, – ничто не вывело болонцев из границ, предписываемых благоразумием. Все было спокойно и шло путем законности. По отъезде Азелио власть осталась в руках полковника Филикона, который издал декрет об учреждении в Легатствах государственного совета из пятнадцати членов, под председательством чрезвычайного комиссара сардинского. Вскоре потом Филикон передал правление этому совету, который избрал главою временного правления полковника Чиприани и пригласил граждан составить Национальное собрание, которое бы в законной форме выразило желания нации относительно по-

стоянного правительства. Энергия и деятельность Чиприани оживили ход дел в Болонье: в ожидании Национального собрания последовали один за другим адреса против папского правительства, организовались военные силы, устроился национальный заем на сумму трех миллионов франков.

Между тем как составлялись Национальные собрания, — и военный энтузиазм с одинаковою силою поддерживался в Италии. В конце июля генерал Меццокапо, с частию тосканских войск, перешел пограничную линию Легатств. Оставивши часть своих сил в Римини, он 1 августа перешел в Форли, каждый день увеличивая свои войска новыми волонтерами. По известиям из Болоньи, в течение одной недели, от 27 июля до 4 августа, армия его возросла от 11 000 до 16 000. Часть войск Меццокапо должна была направиться к Урбино, а другая к Анконе, чтобы через Абруцкие горы перенести революцию в Неаполь. По последним известиям, Гарибальди вышел из сардинской службы и принимает начальство над войсками Средней Италии. Патриоты основывают на этом большие надежды. Но благоразумнейшие из них уже и теперь не скрывают, что дело их независимости более нежели сомнительно. Надежды на мирное разрешение дела почти исчезли. Неизвестно, на чем порешил император французов с папою; но известно, что папа, прежде принятия почетного председательства в Итальянском союзе, требовал возвращения себе Легатств; известно и то, что Наполеон еще прежде обещал папе неприкосновенность его владений...

Последняя надежда для итальянских патриотов осталась в непоколебимом единодушии и верности общему делу, и последние известия все более и более подтверждают слухи о сближении между собою всех восставших областей. Первое известие о выражении сочувствия городов друг другу было около 25 июля из Пармы. Вот что писал об этом корреспондент «Indépendance Belge»:

Парма, 25 июля

Несколько дней тому назад нам объявили, что многие соседние с нами города, как-то – Пиаченца, Модена, Реджио, Болонья, – предполагали прислать к нам делегации для засвидетельствования нам их сочувствия. Нечего говорить, что мысль эта принята была здесь с восторгом и что мы считали истинным праздником для себя это посещение, долженствовавшее соединить за одним столом членов единого семейства, так давно разрозненных.

Вчера, в воскресенье, с самого утра весь город был на ногах, готовясь достойно встретить своих гостей. Случилось, может быть не без умысла, что все они явились в одно время, с разных концов, и вступили в город в числе 1200 человек. Тотчас начались объятия, с повторенными криками: «Viva Italia!»

Я не в состоянии описать того глубокого впечатления, какое произведено было в сердцах всех этим первым национальным торжеством.

Члены городского совета, дворянство, высшие чиновники и сам губернатор пармский, граф Пальери, –

все сошлись на площади Общины, и здесь опять начались объятия при восторженных кликах: «Да здравствует Италия! Да здравствует Виктор-Эммануил! Сардинская армия! Франция! Сольферино!»

Каждый пармский житель овладел тогда одним из гостей, чтобы угостить его. Весь город превратился как будто бы в один большой дом: двери каждого дома, равно как и все общественные и частные заведения, были открыты для всякого.

Публичный сад назначен был местом для обеда. Но число наших гостей не позволяло усадить их за один стол, как думали сначала; должны были удовольствоваться устройством двадцати столов на сто человек каждый. Но и этого не хватило, потому что явились еще новые гости, в числе которых находились солдаты тосканские, сардинские и французские; их присутствие придавало еще более торжественности и трогательности этому празднику. В числе этих солдат оказалось много раненых, и они сделались особенным предметом самых предупредительных попечений со стороны прекрасного пола. Я видел, что дамы, принадлежащие к высшей пармской аристократии, разговаривали с неизвестными солдатами так дружелюбно, как будто это были их братья или сыновья.

Множество знамен итальянских и французских украшало город; патриотические тосты раздавались беспрерывно, после обеда, продолжавшегося пять часов, был устроен импровизированный бал; город был

блистательно иллюминирован... Гости отправились от нас только на другой день утром.

За обедом читана была энергическая протестация Пиаченцы против герцогского правительства. Тут же предложены были листы, и можно сказать наверное, что на них подписались все граждане Пармы, громко протестовавшие против возвращения герцогини и ее сына.

Таково было одно из публичных проявлений взаимного сочувствия итальянских городов. Вскоре обнаружилось отношения более серьезные. От 31 июля из Флоренции сообщали о предполагаемом союзе между Тосканою и Моденою, с целью общими силами отстаивать независимость страны против прежних владельцев, ежели они решатся вступить в страну с вооруженной силой. К этому союзу приглашалась и Болонья; но ее решение сделалось известно только позже. По этому поводу корреспондент «Indépendance Belge» сообщает следующие факты:

Болонья, 8 августа

В нашей флорентийской корреспонденции упомянуто было недавно о проекте военного союза между Тосканою, Моденою и Легатствами. Это известие совершенно верно; основания этого проекта были предметом долгих рассуждений; теперь, если мои сведения верны, эти основания приняты всеми правительствами, заинтересованными в деле, и предположенный союз близок к осуществлению,

благодаря энергии нашего теперешнего правителя – полковника Чиприани.

Дело идет об общем действии армий трех стран для отпора внешнему нападению, с какой бы стороны оно ни произошло. Таким образом, силы Италии возвысятся до 40 000 войска, и это число будет еще в скором времени увеличено поступлением в армию во Флоренции и особенно в Болонье всех наших соотечественников, возвращающихся из Ломбардии. Эта армия могла бы составить четыре дивизии, в каждой с особой кавалерией и артиллерией, так, чтобы каждая могла действовать отдельно везде, где случится надобность.

Мне известно, что главное начальство над этими армиями предложено генералу Гарибальди и уже принято им; его же усмотрению представлен и план организации войска, сейчас упомянутый мною.

Кстати прибавлю, что виды правительства относительно сосредоточения начальства над войсками в руках Гарибальди были, кажется, неприятны сначала генералу Меццокапо, и он даже просил отставки. Но полковник Чиприани в длинном разговоре, нисколько не стесняя доброй воли генерала касательно отставки, умел рассеять его нерасположение и приобрел в нем себе друга и деятельного помощника. Генерал Меццокапо останется начальником войск в Легатствах.

Из всех этих приготовлений ясно, что итальянцы уже начинают понимать свое положение и догадываются, чего им

следует ждать от Франции. Они ничего не говорят еще; но самое предположение о возвращении низверженных владельцев с вооруженною силою показывает, что Италия надеется в своих соседях найти скорее врагов, нежели защитников ее национального дела. В самом деле – с чьей же силою возвратится Леопольд, или Фердинанд, или Франциск? Конечно, с французской или с австрийской – не иначе. Италия понимает это, но все еще не хочет покориться своей тяжелой участи и готовится к борьбе...

Примечания

Условные сокращения

Аничков – Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. В. Аничкова, тт. I–IX, СПб., изд-во «Деятель», 1911–1912.

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I–XIII, М., изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах тт. I–XXV, М., изд-во Академии наук СССР, 1954–1961 (издание продолжается).

ГИХЛ – Н. А. Добролюбов Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М.,

ГИХЛ. 1934–1941.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I–XIV, М., изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1862 г. – Н. А. Добролюбов. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), тт. I–IV, СПб., 1862.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Лемке – Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, тт. I–IV, СПб., изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. – 1912).

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах (Н. Г. Чернышевским), т. I, М., 1890.

Писарев – Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, тт. 1–4, М., Гослитиздат, 1955–1956.

«Совр.» – «Современник».

Указатель – В. Боград. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. М. – Л., Гослитиздат, 1959,

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, М., ГИХЛ, 1939–1953.

Впервые – «Совр.», 1859, № 8, отд. III, стр. 372–385, без подписи.

Раздел «Политика» в «Современнике» вел Чернышевский, ему принадлежит и основная часть августовского внешнеполитического обозрения (см.: Чернышевский, VI, стр. 328–375, 535–538). «Политику» к № 8 за 1859 год Чернышевский заканчивал в Саратове, не располагая там последними номерами иностранных газет. В письме Добролюбову от 31 июля из Саратова он писал: «...посылаю окончание статьи... Прибавки понадобятся только с 18 листа. Я отметил, где надобно будет вставлять новые известия, и в оригинале и на обороте этого листка...» (Чернышевский, XIV, стр. 380). В рукописи Чернышевским были отмечены соответствующие места; на основании этих помет Чернышевского и гонорарной ведомости «Современника» (ЛН, № 53–54, стр. 254) Б. П. Козьминым был установлен текст Добролюбова (см.: ГИХЛ, т. 5, стр. 558–559).

Часть статьи, написанная Чернышевским, посвящена той реакции, которую во Франции и Италии вызвал Виллафранкский мир 1859 года, завершивший войну Франции и Пьемонта (Сардинского королевства) против Австрии, оккупировавшей всю северо-западную Италию. В ходе этой войны итальянский народ выступил под лозунгом национального самоопределения. Уже в конце апреля и в начале мая 1859 года в Тоскане и Парме, в июне в Модене вспыхнули восстания, в ходе которых были свергнуты монархические

правители и учреждены временные правительства. Борьба итальянского народа «начинала превращаться в революционную войну» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 13, стр. 439). Французский император Наполеон III, боясь этого, предал интересы своего союзника Пьемонта и заключил с Австрией Виллафранкский договор, который сохранял раздробленность Италии и предусматривал восстановление в центральных областях – Тоскане, Модене и Парме – реакционных правительств.

Пользуясь газетными сообщениями, Добролюбов приводит дополнительные сведения о ходе борьбы народа Италии с предательской политикой французского правительства. В заметке идет речь об отказе итальянского народа подчиниться условиям договора 1859 года и о решении национальных собраний Тосканы, Модены, Пармы и Романьи, подтвержденном плебисцитом, присоединиться к Пьемонту. Добролюбов приводит материал, свидетельствующий о том, что в центральных областях Италии формируется армия, во главе которой становится национальный герой Джузеппе Гарибальди.

В дальнейшем Добролюбов неоднократно возвращался к итальянским событиям (см. статьи, посвященные им, в томах 6 и 7 наст. изд.).

Комментарии

1.

Сражение 24 июля 1859 года при селении Сольферино было решающим в ходе австро-итало-французской войны и закончилось полным поражением австрийской армии.

2.

Леопольд II (1747–1792) – великий герцог Тосканский, свергнутый в 1859 году в результате народного восстания.

3.

Виктор-Эммануил II (1820–1878) – король Пьемонта, а с 1861 года – король объединенной Италии.

4.

Эта фраза, как устанавливается текстом рукописи, принадлежит Чернышевскому.

5.

«Монитор» («Moniteur universel») (1789–1865) – газета, официальный орган французского правительства.

6.

Подеста – глава исполнительной власти города.

7.

Принц Наполеон – двоюродный брат Наполеона III; был женат на дочери Виктора-Эммануила II.

8.

Франциск V (1819–1875) – герцог Моденский, изгнанный в 1859 году.

9.

«Indépendance Belge» – политический бельгийский журнал; издавался с 1830 года, после отделения Бельгии от Голландии.

10.

«Patrie» – французская консервативная еженедельная газета, основанная в 1841 году.

11.

Легатства – области, управлявшиеся наместниками папы римского.

12.

Итальянский союз – федерация итальянских государств, предполагавшаяся по Виллафранкскому миру, во главе которой должен был быть римский папа.

13.

Маццинисты – сторонники Джузеппе Маццини (1805–1872) – итальянского революционера, буржуазного демократа, одного из вождей национально-освободительного движения в Италии. Маццини выступал против вмешательства Франции в борьбу итальянского народа за национальное самоопределение и объединение Италии.

14.

Генерал Тойон – в 1848 году активный участник расправы над революционными парижскими рабочими; в 1859 году – начальник французского корпуса в Риме, злейший враг итальянских патриотов.